

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 37 (2524)

Суббота, 7 мая 1949 г.

Цена 40 коп.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ал. СУРКОВ

Через месяц после окончания войны довелось мне лететь на самолете по воздушной дороге Москва—Берлин.

Едва миновал самолет окрестности Москвы, как под его крыльями поплыли на многие сотни километров пространства земли, израненной железными ураганами. Слово оной, была земля изъедена воронками от бомб, снарядов, мин. Когда самолет пересекал извилистые ленты рек, можно было увидеть рядом с временными деревянными мостами ржавые, искореженные силой взрывов остатки прежних стальных мостовых ферм и могучих каменных устоев. Не часто рассыпанные на черных пепелищах деревень белые кубики новых домов были первыми признаками жизни. Древние города лежали грудями развалин. Зеленые острова возделанных полей чередовались с бурными пустырями, поросшими многолетним бурьяном.

Помню, один из пассажиров самолета, пожилой армейский офицер, глядясь на эти картины разрушений и запустения, тяжело вздохнул и, ни к кому не обращаясь, тихо сказал:

— Да... много пота человеческого надо пролить на эту землю, чтобы опять все стало так, как было...

Через немного дней после этого полета мне привелось быть на проводах уезжающего на Родину первого аэлоца демократизованных солдат бывшего 1-го Белорусского фронта — героев штурма Берлина.

Недалеко от поверженной фашистской столицы, на окруженной соевым лесом станции Фюрстенвальде царил особенное, непередаваемое праздничное оживление.

Сильно разбитая станция была украшена флагами. На перроне собрались представители командования, корреспонденты, фоторепортеры. Оркестр играл веселые мелодии.

На втором пути вытнулася длинная линия телушек, украшенных гирляндами зеленой хвои, цветами, красными кумачевыми полотнищами. На дверях вагонов окруженные любовно ослепленными портреты товарища Сталина. И всем нам казалось, что глаза вожжа улыбаются и прожогоющим и отъезжающим.

На паровозе, который был прицеплен к составу и весело пофыркивал паром, между развешенными флагами был укреплен большой портрет товарища Сталина, а под ним, по красному фону, было размещено написанное броскими, далеко видными буквами: «Мы из Берлина».

Телушки были заполнены демобилизованными. Это были солдаты старших возрастов, усатые и безусые. Их зарывали, обветренные на полях сражений лица лучились под ярким летним солнцем морщинами счастливых улыбок.

Пока шли последние приготовления к перемещению торжественных проводов, можно было наблюдать возле эшелона незабываемые сцены прощания старых боевых друзей, крепкие рукопожатия, взаимные хлопанья по спине, мужские поцелуи дружбы, можно было слышать то жеждоветия, в которые вложено больше смысла в значения, чем в самые ясные слова.

Раставались люди, прощались плечо к плечу четырехлетний боевой путь, люди, которые вместе смотрели в глаза смерти, вместе переживали боль утраты погибших в боях друзей, люди, которые вместе разовались, вместе надеялись на то, что будет время и встанет вот этот, сегодняшний день, день возвращения в родные места, к родным, к близким, к жизни для жизни, для будущего...

Переходя от одной группы к другой, я вслушивался в солдатские разговоры. Они были, как вытея курявый светлый дым над солдатским костром в расветный час. Чего, чего не было в этих маломольных разговорах! И наказы — обязательно зйти по такому-то адресу, передать приветы, и обрывки воспоминаний о вчерашнем, незабываемом, и самое всеобщее, всех волнующее — предположения о завтрашнем дне.

В этих разговорах о близком и реальном мирном завтра раскрывалась вся четырехлетняя тоска человеческого сердца по спокойному трудовому дню, когда надо будет вставать утром по гудку завода или бою колоколов колокола, итти к станку, в поле, чтобы работать во имя создания прочного, рассчитанного на поколения, человеческого счастья.

И подслушивая эти солдатские разговоры, припоминала фразу, брошенную офицером в самолете, ожившая в памяти недавно виденные картины «зоны пустыни», человек с какой-то особой силой чувствовал прилив радостной уверенности в том, как через немногие годы оживет воскресшая трудом этих все повидавших, все испытавших людей многострадая, израненная железом война земля...

Команда: «По вагонам!». Прощальные речи на митинге. Светлые слезы радости в глазах воинов, разучившихся плакать на полях битв. Паровоз дал длинный гудок, и под торжественные звуки Государственного Гимна состав тронулся на восток...

Двери телушек были отодвинуты. Солдаты столпились в дверях. Гармонисты сидели на полу, свесив ноги, и играли на аккордеонах. За вагонами бежали провожающие — одинолчаше, чтобы еще раз пожать руки друзьям, еще сказать что-то, то, что не удалось сказать в минуты расставания.

А когда состав отошел от стапши, мы увидели поистине символическую картину. На соседнем пути стоял с паровозом, прицепленным с западной стороны, такой же состав о репатриантами — вчерашними невольниками гитлеровской Германии, собранными для отправки в родные края. На вагонах нестрили разноцветные флажки — французские, итальянские, бельгийские, голландские, датские, норвежские...

Мужчины, женщины, дети — недавние невольники концлагерей и кандидаты на удушение в газовых камерах и сожжение в крематориях майданеков и освенцимов, толпились здесь, оглашая воздух кликами приветствий на разных языках, махали шапками, флажками, косылками, проножая советских воинов — своих освободителей, побавителей от ужаса фашистского рабства, мучений и смерти...

Они плакали слезами радости и обиды. Им, столько потерпевшимся в фашистской неволе и стоксованным по родным очагам, больше, чем кому бы то ни было, была понятна та радость, которая светилась в глазах солдат, возвращающихся под родной кров в горделивом сознании чсто исполненного долга перед Родиной и человечеством.

Воспоминания этих незабываемых дней невольно нахлынули на меня сегодня, в канун Дня Победы, в солнечные дни четвертой послевоенной весны.

И невольные в памяти всплыло многое, что мы пережили, перетувствовали за эти четыре послевоенных года.

Мы уже привыкли, как должно, как само собой разумеющееся, читать с чувством удовлетворения сводки наших трудовых побед на фронтах восстановления, на фронтах строительства коммунизма, публикуемые каждый квартал и ежемесячно.

Мы знаем, как грандиозно то, что свершил наш великий народ в пору первой послевоенной пятилетки. Но в полную меру своего величия трудовой подвиг народа встает перед глазами тогда, когда сравниваешь сущее, сегодняшнее, со вчерашним, с тем, что оставила война, победоносно законченная нами.

Всякий, кому привелось пройти дорогами войны от Москвы и Ленинграда до Берлина, от Моздока, Сталинграда и Воронежца до Бухареста, Будапешта и Вены, может восстановить в памяти те картины разрушений, которые сопровождали его на пути до самой западной границы нашей земли. В памяти живы поросшие железным бурьяном, мертвые, заваленные бетонными и стальными ломом пустыри — места, на которых прежде возвышались гигантские заводы Сталинграда, Донбасса, Харькова, Запорожья, Ростова, Белжицы и других могучих индустриальных центров. Мы помним взорванные и затопленные шахты наших угольных бассейнов, полотно железных дорог, изрытое взрывами на протяжении тысяч километров, огромные мосты, сметенные, словно ветром, деревни, станицы, села, дотла выжженные стократ проклятыми захватчиками.

Нынче казалось, что десятилетия потребуются для того, чтобы все стало так, как тогда было, что черные остовы домов на улицах городов будут долгие годы зиять мертвыми глазами пустых окон, что много времени потребуются для того, чтобы переселить десятки миллионов деревенских жителей из тесных сырых землянок в новые дома, вернуть детям тепло и солнце.

Но вышло по-иному! Животворящий созидательный труд советских людей шел по горячим следам уходящей на запад войны еще в те дни, когда смерть пела страшные свои песни стальными глотками тысяч орудий. Еще на западной окраине города автоматчиками выбивали из последних укрытий последние взводы эсэсовцев, а мы видели, как на восточной окраине, под навесами искверканных железных перекрестий уже снова и инженерно-строители, набрасывая в свои блокноты первые заметки планов и объемы восстановительных работ, и на только что восстановленных запасах путях уже разгружались из эшелонов люди — армия труда — и машины. Армия будущего уже вступала в отбитый о смерти город. Так было везде — от Сталинграда до Одессы, от Харькова до Дрогобыча, от Бранска до Рига. Жизнь торопилась заминать пространства, только что отбитые о смерти.

Война была жестокой и тяжелой, она была не только проклятием, но вместе с тем была для миллионов советских людей великой школой испытания, проверки сил, дав новую меру их творчески созидательным усилиям. Еще в 1941—42 годах, когда тысячи заводов перекочевывали с запада на восток, когда там, на востоке — на Урале, в Сибири, в Средней Азии, за Волгой невиданными в истории мировой авионики темпами создавался великий арсенал победы, — был определен, обозначен тот стремительный темп, который наш на-

род явил миру в своем восстановительно-созидательном труде послевоенных лет. Именно тогда советские люди и на фронтах и в труде научились делать невозможное возможном, получили новую зарядку уверенности в неисчерпаемости своих творчески созидательных ресурсов — и технических и моральных.

Звучащие, как победная музыка, сводки сообщений Центрального Статистического Управления есть один из самых драгоценных плодов победы, добытой на полях сражений Великой Отечественной войны.

Цифры есть цифры. Но сквозь вязкий цифр проступают реальные картины послевоенной жизни народа, видна земля, воскрешенная и преобразованная дружным трудом миллионов человеческих рук, умной работой миллионов людей, направленных единой негнбимой волей, ошущающих свое коммунистическое завтра как объективный показатель своей жизни, своей судьбы.

Оно, это завтра, окружает нас со всех сторон в нашем повседневном бытии. Оно напоминает нам могучий размах социалистического соревнования и стахановского движения, когда да смену одиночкам и стахановским бригадам приходят стахановские цехи и целые предприятия. Оно напоминает о себе миллиардами саженцев, уже зеленевших вынешней весной в степях юга и юго-востока и предвещающих победу над суховеями и ветородами. Оно напоминает о себе непрерывно растущим уровнем материального благосостояния трудящихся и бурным расцветом культуры.

И, как другой драгоценный плод великой победы, предстает перед нами нынешняя жизнь в странах народной демократии, где народы, прозревшие и возмужавшие в огне военных испытаний, встали лицом к солнцу, лицом к социализму.

В послевоенные годы мне довелось побывать почти во всех странах народной демократии, пришлось быть свидетелем того, как великий революционный подвиг нашего народа помогал трудящимся этих стран шаццать дорогу в будущее.

Уже в 1945 году в Софии, в Праге, в Варшаве и других городах наш опыт коммунистических суботников дал организационное оформление желанной западным странам коллективной предостройки послевоенной войны. Подобно тому, как вороже тридцать лет назад московские железнодорожники совершили «великий подвиг» в борьбе с разрухой, — жители Праги, Варшавы, Софии и многих других городов в странах народной демократии выходят ныне дружными коллективами лечить раны, нанесенные их городам войной. И сегодня, когда сравниваешь, например, состояние Вены, где правительством стоит на занятиях империалистической колоницисты, с картиной Варшавы, Будапешта или Бухареста, то воочию видишь, какие творчески созидательные силы таит в себе наша политическая опора воля трудовых масс к общей труду на общее благо. В Вене вокруг руин ставят временные заборы и их оледняют крикливыми рекламными плакатами, а в Венге, который выдержал двухмесячное уличное сражение, уже нет на большинстве улиц никаких следов недавних страшных разрушений.

Пародные стройки, бригады добровольной помощи рабочего города деревне, соревнование, машинно-тракторные станции как опора бедняков и середняков против кулацкой эксплоатации, товарищества по совместной обработке земли, массовая художественная самодельность, массовая сеть школ и курсов по ликвидации неграмотности и много-много другое, чем характерна сегодняшняя жизнь в странах народной демократии, — все это, вытекающее потребностями нового строя народной жизни в Болгарии и Румынии, в Польше и Албании, произошло потому, что десятилетиями проверенный созидательный опыт народов нашей Родины был открыт всем, кто его искал.

Чешский металлист, живо интересующийся опытом московского токаря Павла Быкова, и жигаровская ткачиха, жадно слушающая рассказы нашей москвички Натальи Дубяга, и новый рабочий-бушник с бывшей поточника Бати, читающий брошюру об опыте Василия Матросова, и трансильванский молодой тракторист, распрашивающий советского человека о Паше Ангелшпой, — все это знаки того, как новые многомиллионные коллективы людей на земле далеко ушли от своего довоенного вчераш, ушли по доброй воле и охоте, вдохновляемые опытом великого советского народа, пришедшего этим людям освобождение.

И то, что в дни, когда поджигатели новой войны заключают агрессивные пакты, — проходят по улицам Панжа и Рима, Брюсселя и Амстердама, Копенгагена и Осло многотысячные колонны людей труда, заявляющих «нет» войне и империализму, провозглашающих «да» миру и дружбе с Советским Союзом, — что есть тоже плод великой победы, одержанной нашим народом над черными орлами фашизма. Ведь те, кто в солнечный июньский день со слезами радости и благодарности посылал приветствия демобилизованным советским солдатам, не могут забыть того дня.



Генералиссимус Советского Союза И. В. СТАЛИН

Репродукция с картины лауреата Сталинской премии Ф. РЕШЕТНИКОВА.

Пимен ПАНЧЕНКО

ЗНАМЕНОСЦЫ БУДУЩЕГО

Середина двадцатого века.
Весна
Разбросала сверкающих солнц миллионы.
Закурлыкал журавль над сосною,
Сосна
Загорелась огнем зеленым.
Топольные ветки под каждым окном
Раскрывают на солнце мохнатые почки.
Первый гром на полях —
Мирный тракторный гром
Не смолкает до ночи.
Мы такой не видали весны.
Нам она обещает наверно
Седать явлю надежды и сны,
Потому и работаем быстро и верно.
На колхозных полях,
У стайков,
У печи.
Созданием и творчеством
Дышит отчина.
Не смолкают заводы.
Урчат тагачи.
Труд и песня слились
В гимне миру и жизни.
Светлым звездам Героев —
Я знаю —
Сиять!
И звенят рапортам
На подоблачных струнах!
Он все ближе и ближе —
Рукою подать —
День заветной Коммуны.
Так и жить бы,
Забыв про пожары и гнев,
Но сегодня,
товарищ,
мы брови
нахмурим:
Из-за океана
угрожают весне
и отчизне
огненной бурей.
Мы — борцы за мир,

И наше слово
В сотни раз сильней секретных баз.
Суд идет,
И приговор суровый
Им придется услышать от нас.
Он уже звучит,
Как гнев огнистый
На просторах всех земных равнин,
Приговор —
Убийцам коммунистов,
Палачам Мадрида и Афин.
Тем,
Кто сеет смуту и поклепы,
Тем,
Кто ставит ставку на урагн,
Тем,
Кто страны Западной Европы
Хочет видеть мертвыми от ран.
Палачи бесы не от силы,
Жгут людскую мудрость на кострах.
Веет смертным тленом от могилы,
Лица мнет им страх.
Гибнет, гибнет капитал бесследно,
Вбившись в золотой мешок рукой.
Это сор веков, гноийник последний
Подосты и лютоги людской.
Называйте гадов поименно,
Что костры военные зажгли.
Мы — борцы за мир!
Нас миллионы
На путях разгневанной земли.
На Янцзы, на Бирме, в Джокьякарте,
На Дунае, Одер и По
Коммунисты всюду в авангарде —
Знаменосцы будущих эпох.
Мы ведем в ряды стальные станем,
Защитим народы,
Шар земной.
С нами правда,
С нами мудрый Сталин —
Вожда бойцов за мир,
Отчизны рулевой!

Перевел с белорусского
Андрей КЛЕНОВ

Гафур ГУЛЯМ

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Мы в мире — творцы красоты. И на нас
Земля не в обиде за наши труды.
И там, где советский идет человек, —
Тюльпаны его покрывают следы.

Обычай — посева хранить в чистоте —
Не зря отцов переняли сыны.
В Союзе Советов превыше всего
Народное счастье и целостность страны.

Мы любим с друзьями свой хлеб разделить
Над скатертью дружбы в обильном дому.
И так же, как солнышка не раздробить,
Союза друзей не разбить никому.

Взгляни, как черешня зарей налилась.
Ее посадили мы в прошлом году.
С наукой навечно наладили связь
Садовники счастья в советском саду.

Двухсотмиллионный свободный народ,
Как глаз, бережешь ты свой день трудовой
И знамя великой победы хранишь
В руках, опаленных недавней войной.

И горе тому, кто, нарушив твой мир,
Попробует сунуться в наш огород.
С дороги, что Сталин намела для нас,
Советский народ никогда не свернет.

Мы в жизни герои: в боях и в труде.
И в этом великая связь есть, когда
Я в праздник военной Победы страны
Привет посылаю Героям Труда.

Обычай — посева хранить в чистоте —
Не зря отцов переняли сыны.
В Союзе Советов превыше всего
Народное счастье и целостность страны.

Перевел с узбекского
В. ЖУРАВЛЕВ

СВЯЩЕННЫЕ РЕЛИКВИИ

В Знаменном зале Центрального музея Красной Армии, на высоком постаменте пламенеет в лучах прожекторов знамя Победы, водруженное 30 апреля 1945 года в Берлине над германским рейхстагом. Оно окружено боевыми знаменами частей Советской Армии, прославивших себя в боях за Родину.

В центре зала — бюст великого вождя, генерального полководца товарища Сталина, под чьим водительством советский народ и его Вооруженные Силы одержали исторические победы в боях против немецко-фашистских захватчиков.

В пятнадцати залах музея экспонируются ценнейшие документы, фотографии, произведения изобразительного искусства, образцы отечественного оружия, рожденного передовой технической мыслью страны и самоотверженным трудом народа. Все эти священные реликвии Великой Отечественной войны воссоздают победоносную борьбу Советской Армии на фронте и героический труд советских людей в тылу.

В залах музея посетители видят приказы Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, вышедшие в период Великой Отечественной войны. Письма солдат и офицеров Советской Армии, трудящихся

нашей Родины товарищу Сталину свидетельствуют о сплоченности советского народа вокруг большевистской партии и правительству для разгрома врага. Документы показывают осуществление генеральных стратегических планов разгрома полчищ немецко-фашистских захватчиков. В одном из залов музея экспонируется телеграфный аппарат «БОДО-Д», который находился во время Великой Отечественной войны в ставке Верховного Главнокомандующего. По этому аппарату товарищ Сталин вел переговоры с командующими фронтами Действующей армии и непосредственно руководил боевыми операциями.

Накануне дня Победы музей пополнился многочисленными новыми экспонатами. Впервые выставлена картина лауреата Сталинской премии художника П. Кривоногова «Победа» и две другие его работы — «Корсунь-Шевченковский побой» и «Капитуляция Берлина», новая картина художника В. Штрания «Салют Победы 9 мая 1945 года».

Большим вниманием посетителей пользуются удостоенные Сталинских премий диорамы «Форсирование Днепра войсками Советской Армии» художников А. Горпена, А. Стадника и П. Жигмонта и «Бой на Одерском плацдарме» художников

П. Корецкого и И. Евстигнева. На днях открыта новая диорама «Переправа войск Красной Армии через Днепр в районе Кременчуга в 1943 году» лауреата Сталинской премии А. Горпешко и художников В. Дмигрийского, В. Коновалова, Ф. Сачко и Ф. Усыпенко.

В одном из залов недавно выставлена большая фарфоровая ваза, оформленная на тему «Победа» — работа скульптора студии военных художников им. Грекова тов. А. Сотникова.

Вниманию экскурсантов привлекают многочисленные подарки трудящихся зарубежных стран Советской Армии и ее генеральному полководцу товарищу Сталину. Среди новых экспонатов этого раздела — альбом с надписью: «Великому и генеральному вождю народов Генералиссимусу И. В. Сталину, спасителю и другу румынского народа»; красное знамя — подарок Советской Армии от рабочих и служащих предприятия кожаненной промышленности г. Штадлец в Австрии. На знамени слова: «Нашей освободительнице от фашистского ига, могущественной Советской Армии»; письмо от жителей Осло с адресом: «Бойцам непобедимой Красной Армии за их героическую борьбу против фашизма, за свободу и права народов всего мира».

Голос Родины

Включите радиоприемник, настройтесь на любую советскую волну, и вы сразу почувствуете, как вобьется в ваш духовный мир советского человека, мир духовного изобилия, возможного лишь в условиях советского социалистического строя.

Дневная радиопередача — это как бы снопотрава одного дня жизни страны. Сообщения из заводских цехов, сводки с полей — такие же сводки борьбы и победы, какими были во время войны памятные всем сообщения Советского Информбюро.

Стихи Пушкина, памфлеты Горького, песни о Москве, лекция о Маяковском, чтение романа Говарда Фаста, трансляция футбольного матча, трансляция концертов из Москвы, из Киева, из Минска, из Алма-Аты, международное обозрение — это лишь небольшая часть программы радиопередачи только одного дня, сегодняшнего дня, 7 мая 1949 года.

В прошлом году по радио прозвучало 1.364 литературных передачи, из них 832 были посвящены советской литературе. Сейчас в период подготовки к юбилею великого русского поэта уже проведено свыше 150 Пушкинских передач.

Радио — могучее средство воспитания народа. И кому же, как не советским писателям — инжерам человеческого духа, глашатаям идей коммунизма, политиком партии Ленина — Сталина, — выступать перед микрофоном, говорить с народом!

Сталинские пятилетки вооружили наше радио вещанием передовой радиопаратурой, воплотили в жизнь Ленинскую мысль о радио, как о митинге миллионов и как о газете без бумаги и без расстояния.

Вздох донья, когда не только каждое предприятие, учреждение, колхоз, но и буквально каждая квартира рабочего и служащего, каждый дом колхозника будет иметь радиоприемную точку.

По каждой новой радиоточке в доме колхозника, в квартире рабочего и служащего означает еще больший рост духовных запросов советского народа, еще более высокие требования к советскому радиовещанию, к советской литературе и искусству, к писателям и микрофону. И потому сегодня, в День радио, хочется сказать — еще содержательнее и инициативнее должно работать наше радиовещание. Журналист «Театр и микрофон», обзор журналов, чуткий романов, выступления поэтов — вот главные формы работы литературно-драматического вещания. Все это нужно и полезно, но сколько серьезных, подчас резких замечаний, сколько плодотворных советов содержится в откликах-письмах радиослушателей. Почему кроме монтажа уже известных спектаклей да расширено не привлечь наших драматургов к созданию «радиопьес» и «радиопьес», написанных специально для радио, с учетом его особенностей, его возможностей? Почему «обзоры» журналов на деле сводятся только к чтке некоторых стихотворений и прозаических отрывков? Где, собственно, обзор, т. е. оценка, рекомендация, критика? Разве нельзя, вкратце, возобновить давно забытый цикл — «Критика и микрофон»?

Есть у нас что критиковать и работникам местного вещания, районных и заводских радиозаводов. Слишком много трансляций, слишком робко, нерешительно прикасаются местные силы. Пусть пойдут к микрофону поэты из заводского литературного кружка, пусть «радиокорреспонденты» шлют свои корреспонденции и в местные и в петербургские «Последние известия по радио». Мы хотим слышать их голоса.

Мы хотим многого — и от многотысячной армии наследников А. С. Пушкина — работников радио и от писателей и поэтов. Мы хотим услышать о новых победах рабочих и колхозников, ученых и изобретателей.

Наше радио было голосом славных побед Великой Отечественной войны, оно и сейчас — голос побед. К этому голосу, голосу победы, прислушивается весь мир. Слушая Москву, люди мира слышат голос правды, голос справедливости, голос, защищающий дело прогресса, дело мира.

Иван КОЖЕДУБ, трижды Герой Советского Союза

А в это время Черчилль (арт. В. Станиславский) — заклятый враг передового человечества — юлит, вилает, нагло врет, оттягивая открытие второго фронта. Черчилль и вся империалистическая клика Англии и США рассчитывали, что Сталинград будет слан врагу и СССР, принявший на себя главный удар немецких полчищ, настолько ослабнет, что ничто не помешает англо-американским империалистам установить свою гегемонию в мире. Черчилль делал замысел — первым проникнуть в Балканские страны и изолировать их от Советского Союза.

Сталин разгадал этот подлый, коварный план Черчилля.

— Не выйдете! Славяне будут с нами, — твердо провозгласит вояка.

Прошло лето, наступила осень. Сталинград стоит. Сталинград советский борется.

Вояка в победе движет поступками героических защитников города. Уверенность в этой победе не покидает их в самые суровые минуты, ибо они знают, что великий Сталин сам руководит этой битвой, что они осуществляют его генеральный план.

Незабываемые кадры есть в этом фильме. Горсточка наших вояков сдерживает натиск немецких танков и сотен солдат. Когда видишь эти эпизоды, хочется воскликнуть: «Да, это так и было!» Кто не помнит бронейщика Петра Волого и его трех товарищей, отбивавших от нескольких десятков фашистских танков? Кто не помнит Якова Павлова и его героическую борьбу в сталинградском доме? Кто не помнит, наконец, бесстрашных гвардейцев генерала Родимцева, стоявших на смерть в Сталинграде?

В фильме мы видим ближайших соратников великого Сталина, руководителей партии и правительства — товарищей Молотова, Жданова, Маленкова, Берия, Калинин, Ворошилова, Андреева, Микояна, Кагановича, Хрущева, Шербакова, Шверника, Булганина. Мы видим замечательных советских полководцев и военачальников — Василевского, Рокоссовского, Чуйкова, Еременко, Воронова, Родимцева и других. Это они — верные сыны советского народа — сумели осуществить генеральный сталинский план разгрома врага.

Особенно запоминается образ генерала Василия Ивановича Чуйкова — командующего 62-й Героической армией, которая сдерживала натиск главных сил врага, наступавших на Сталинград. Артист Н. Симонов создает блестящий образ полководца сталинской выучки, сильного духом, несокрушимого в своем стремлении к победе.

Когда смотришь этот фильм, чувство гордости наполняет сердце. Я гордился солдатами, самоотверженно сражавшимися до последнего дыхания. Я гордился гвардейцами Родимцева, идущими под яростным огнем врага в атаку. Я гордился славными нашими военачальниками. Какое огромное счастье принадлежать к народу, спасаемому мир от фашистской тумы!

Самая большая творческая удача всего с'emочного коллектива, и, особенно, артиста Алексея Дикого, заключается в том, что в фильме «Сталинградская битва» наш вояка, наш отец и учитель — родной Сталин показан многосторонне, как великий государственный деятель, как генеральный полководец, как могучий организатор народа, как заботливый отец, как

чуткий товарищ. Вот он разрабатывает план разгрома немцев. Вот он бережно складывает многочисленные письма трудящихся, присланные на его имя, любовно раскрывает незатейливые треугольные письма, внимательно читается в него. Вот он отвечает на вопросы американского корреспондента и тут же отдает распоряжение о необходимой помощи Ленинграду, осажденному немцам, расспрашивает товарища Жданова о нуждах ленинградцев. Вот он рассматривает и создает новый Боевой устав пехоты, а затем бегает на квартиру со своим старым товарищем (арт. Б. Добронравов), выясняя, как живут рабочие в тылу. Он читает повесть Льва Толстого, а утомившись у порога отдает приказание командующему Сталинградским фронтом.

Сталин всегда был и есть о народом. Это прекрасно раскрыто в фильме. Сталин неармио присутствовал на полях сталинградского сражения.

В последних кадрах первой серии фильма мы видим полную готовность нашей армии к историческому наступлению. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу Василевского, излагающего сталинский план разгрома врага, принимается решение о контрастнаступлении.

Уходящий из зала, до глубины души потрясенный величественными картинами событий. Трудно выразить словами то чувство большой внутренней силы и волевого накала, которое овладевает тобой после чудесного фильма, чьи образы неотступно стоят перед глазами. Гордость за свой великий народ, за родную Советскую Армию наполняет сердце. И безмерное чувство глубокой любви к нашей коммунистической партии, к вождю и учителю товарищу Сталину, рвется наружу, ищет слов. Невольно вспоминаются слова поэта:

Спасибо Вам, что в годы испытаний Вы помогли нам устоять в борьбе. Мы так Вам верили, товарищ Сталин, Как, может быть, не верили себе. Вы были нам оплотом и порукой, Что от расплаты не уйи врагам...

И последнее, о чем нельзя не сказать, затрагивая свои впечатления о фильме «Сталинградская битва». В картину показан Франклин Рузвельт. «Горе человечеству, если кто-нибудь посетит вражду между нами и Россией», — говорит он.

Сегодня есть люди, пытающиеся сеять эту вражду. Еще жавы враги мирового содружества народов, мечтавшие во время Сталинградской битвы о военной слабости России, о дне, когда она будет стоять на коленях.

Не вышло!

И сегодня мы, советские люди, победители — воины и труженики — говорим всему человечеству, говорим народам США и Великобритании: мы за мир, мы за дружбу между народами. Мы говорим нашим друзьям во всем мире: учитесь у сталинградцев давать отпор поджигателям войны, и мы говорим тем, кто ведет подготовку новой войны: не забывайте об уроках Сталинграда.

Как клятва в верности, дружбе звучит сегодня между народами всего мира священное слово — Сталинград.

Хочется от всей души поздравить советское киноискусство с новой замечательной победой, талантливо запечатлевшей великую сталинградскую эпопею.

Глубокая и светлая мысль, страстность и благородство чувства, ясность выражения — все эти признаки подлинной поэзии присущи поэме Мамеда Рагима «Над Ленинградом».

Утверждение великого чувства братства советских народов, как источника силы и красоты нашего человека, составляет идею произведения. Азербайджанский поэт выразил эту идею в ярких реалистических образах.

Действие поэмы разворачивается в незабываемые дни Великой Отечественной войны. В бою за город Ленина расцветает и крепнет дружба двух героев — представителей молодого поколения страны социализма:

Один из них — азербайджанец-летчик, Другой — немного старше — Алексей, — Из тех, кому восторгом чистым платим, Которые своею жизнью всей Примером пусть послужат младшим братьям...

Тысячи верст отделяют гордого сокола Гусейнбаба от родимого Азербайджана, где остался отец, мать, любимая девушка. Впервые видит юноша северные снега, Ленинград, знакомый только по книгам и рассказам.

Поэт гордо — гордость и слава его необъятной Родины. Более того, Ленинград — такая же часть души самого Гусейнбаба, как и родной Баку. Ведь именно здесь, где скрестились «прожекторов луча войны», всегда «горел неугаемый свет России».

Здесь Ломоносов, — гений величайший, — Вступил в зенит своей научной славы. «Онегина» здесь зародилась глава. Над этой полноводною рекой Страницы «Годунова» и «Полтавы» Написаны бессмертною рукой.

Отсюда Запад удивил Белкинский. Здесь полюбил народ свой испокониск Некрасов, как поэт и гражданин. Напев родных берез и грусть равнин, И радости народа, и печали В симфониях Чайковского звучали. По силе сокровенной «Бурлаки» Ни с чем нельзя сравнить. Великолепен Нефленкой кисти взмах, ее мази. И то, что русской правде и культуре, Не отрываясь, мир уцелел весь, И то, что свежий гром Октябрьской бури Впервые в целом свете грянул здесь...

И если бы всего этого не было, не было бы и самого Гусейнбаба, гордого сознанием, что ему — сыну советского Азербайджана — доверено защищать великий город.

Непримиримости к врагу учил людей Сергей Миронович Киров, образ которого, как олицетворение несгибаемой воли ленинградцев, незримо встает перед молодым летчиком над затемненным городом. Сердце Кирова, сердце большевика ощущается в своей груди юноша, и в унисон с ним бьются сердца его друга Алексея, девушки Вари и сотни тысяч непокорных сердец в осажденном городе, где На крыльях композитор занял пост. А девушка в цеху обледенелом Ставка не покидает под обстрелом. Старик селой и пионер — в пугру. В тисках весте, голода, блокады С бойными весте строят баррикады. Не слася горю Ленин врагу! Его пароль — «Победа», отзыв — «Сталин!»

Раскаты орудийных гремят. Плечом к плечу народы грозно встают, Вся Родина стоит за Ленинград.

В сознании неразрывной солистности судьбы родного народа с судьбой его старшего брата — русского народа — истоки героических подвигов Гусейнбаба и восторженного чувства молодой, бескорыстной дружбы, связывающей его с Алексеем, чувства, которые приносят обитом столько радости и тепла в суровых условиях войны. Для Гусейнбаба его старший товарищ — образец отваги, у него Гусейнбаба учится мастерству воина, искусству выдержки в бою. Ласковый, одобрительный взгляд друга он чувствует на себе, даже когда один поднимается в воздух.

В сражениях мужает и закаляется характер молодого героя. Для него наступают

пает тот великий момент духовного созревания, когда наш советский юноша чувствует себя готовым с честью нести высокое звание члена партии. Сигнал тревоги прерывает обсуждение заявления Гусейнбаба. Своєю отвагой в бою летчик как бы отвечает на вопрос друзей — достоин ли он стать коммунистом.

Ты беспартийным на небо взлетел, На землю коммунистом воротился, — говорит ему парторг.

Суровая война. Погибает любимая Алексей — чудесная девушка Вара, столь напоминавшая Гусейнбаба его далекою любовью подругу, погибает в бою с врагами и сам Гусейнбаба, самоотверженно бросившись на выручку безвестному летчику. Над свежей могилой героя его друзья дают клятву верности и отчуждения:

Однополчане не уронят чести Безвременно погибшего бойца!

И снова неутомимый «ястребок» Алексей влетает самолетом друзей в бой

За наши села, паштбища и нивы, За города, палимые огнем, За горе тех, кто мог бы быть счастливым...

Ирическим отступлением заканчивается поэма. Поэт посещает места, где погиб его герой. И здесь он слышит полный глубокого смысла рассказ.

Что было бы в году сорок четвертом Молодецкая поросль камыша Зеленела над героем мертвым. Шел будто бы наш русский паренек И срезал камышину для свирели, С любовью смастерил ее, как мог, И дунул в эту дудку еле-еле... А многие колхозы шли тогда На родину обратно... Этот мальчик Вел будто бы усталые стада И был в своем колхозе заведующим... Но звуки потекли на этот раз Не те, что знаем, — новые для нас! Она струилась, ветром нарастая, — Мелодия чудесная, протаяла... И все-таки душе она близка! В ней будто бы и счастье и тоска, И радость любви она богата, Желанная, как дальний голос брата...

И старики, подумав, решили: Нерусский родом — из стороны дальней. Нерусский родом — Родины герой, — Наш брат родимый сит в земле скрытой! Но даже камышник здесь, в Отчизне, Он наделял любовью, силой жизни!

Такое вратие содержание поэмы Мамеда Рагима — произведения глубоко партийного и высокохудожественного, утверждающего всей системой своих образов бессмертие нашего дела и великую силу дружбы советских народов. Нельзя не выразить искренней благодарности поэтам А. Адалису, Л. Дигичу и В. Потаповой за то, что они открыли русскому читателю доступ к этому патристическому произведению братской поэзии.

Являясь радостным событием всей советской поэзии, поэма «Над Ленинградом», нам кажется, имеет особое значение для дальнейшего развития поэзии азербайджанской. Бережно сохраняя лучшие национальные традиции, поэт решительно порвал с обветшавшими канонами старой восточной поэзии, с устаревшей системой ее замкнутых образов и сравнений. Вступив в поэму представляет собой творческий манифест поэта, призывающего отказаться от изображения аллегорического героя и обратиться к изображению сегодняшней действительности, ее «гордых людей, истинные и властных и могучих» в их повседневном труде. Путь к этому, по мнению поэта, лежит в освоении опыта реалистической русской поэзии, умеющей отнаться строки из металла, в том, чтобы, утас «ее правдивости прекрасной», щедро пользоваться живыми и горящими словами родной речи. Произведение самого М. Рагима показывает, насколько плодотворен и единственно правильный этот путь.

Благодаря творческому проникновению в тайны реалистического искусства, ему удалось создать произведение подлинно новаторское и самобытное, национальное своеобразие которого — особая яркость образов и чувств, энергичная темпераментность — живо ощущается даже в русском переводе.

Мамед Рагим. «Над Ленинградом», поэма, Баку, Азербайджан, 1949, 58 стр.

В начале фильма изображается самый трудный и ответственный момент Отечественной войны. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники бросили в наступление все свободные резервы и, нацелив их на одном юго-западном направлении, создав большой перевес сил, добились значительных тактических успехов. Гитлеровцы рвались в Волге, к Сталинграду, потому что Сталинград был ключом к стенам Москвы, воротами в нашей столице. Они надеялись отрезать Москву от Волги и Урала.

...Мы видим великого Сталина и генерал-полковника Василевского (артист Ю. Шумский), склонившихся над картами в Кремле. Какой спокойной, глубокой мудростью овладело лицо любимого вождя. Великий стратег разгадал авантюриный план немецкого командования.

Немцы бросили на Сталинград лучшие дивизии. Истеричный Гитлер (артист М. Астангов) лихорадочно торопит своих генералов, ибо в успехе этой операции он видит победу над Россией и Англией. Кейтель, Годл, Паулюс обещают взять Сталинград.

По пыльным донским дорогам идут в Сталинград фашистские солдаты. Горят деревни, небо стало пестрым черным от дыма, плачут женщины и дети.

На Сталинград обрушивается воздушный корпус гитлеровцев. Красавец-герой плачет. Горят пехи заводов, построенные нами, нашими руками. Горят высокие, светлые, стройные здания, в которых мы жили и трудились. Горят парки, посаженные, взращенные нами. Женщины несут на руках убитую девочку. В ее глазах не ужас и не боль, а пощаде. Великий гнев и непоколебимая ненависть в ее взоре. Она требует мщения, она зовет советского воина к возмездию.

Кадр за кадром, последовательно развертывается в фильме процесс осуществления генерального сталинского плана разгрома гитлеровцев.

Советский народ срывается, вдохновенный Сталиным. На защиту города-героя идут старики, которые воевали под красными знаменами вместе со Сталиным в годы гражданской войны. Идет молодежь, женщины. Вся страна поднимается на защиту Сталинграда.

«Сталинградская битва». Первая серия. Художественно-документальный фильм. Сценарий Н. Вирты, постановка В. Петрова. Главные оператор Ю. Есельчик, композитор А. Хамагурия. В главных ролях артисты: А. Дикий, Ю. Шумский, Н. Симонов, М. Штраух, М. Астангов, Б. Ливанов и др. Киностудия «Мосфильм», 1949 год.

Я никогда не забуду последнего месяца войны: переправу на Мораве и венский пригород, продырявленный и огулаженный, и людей, освобожденных нами из рабства. Вот стоят они на площади: украинка Надежда Саламаха, французские сестры Перльон, бельгийцы Сает, чех Карел Ванек, арабы Ами Мухамед и Тоуши Асен бен Мухамед. Я занесла тогда их имена для фронтовой газеты «Суворовский натиск», которая ждала корреспонденций из Вены...

Я вечно буду помнить 9 мая 1945 года, которое довелось мне встретить в Праге, среди родных людей, над весенней Влтавой, на пестрой от цветов и народных костюмов площади Вацлава. Прага была спасена от немецких карателей и американских бомбителей. Мы ничего еще не знали тогда о планах Маршала и Трумана, но каждый боец с недоумением и неприязнью читал сообщения о лживой спешке союзных армий. Они не спешили открывать второй фронт, а здесь, в Чехословакии, неслись, слома голову, к Праге. Это была спешка безвсесмысленная, а не фронтовая. Наши союзники торопились оккупировать, мы — освободить.

Есть в заключительной книге трилогии А. Гончара «Знаменосцы» незабываемое, полное символического значения, место. Старишка Хома Хаепкий освобождает из горящего сарая людей. Он сбивает с дверей массивный немецкий замок. Хаепкий оглянулся вокруг, ним глазами кто-нибудь более солонее, чем приклад. Обломок рельса! Он был такой тяжелый, что при других обстоятельствах Хаепкий, конечно, ни за что не поднял бы его. Но сейчас силы его уможились, и он, схватив стальной обломок, размахнулся им, сняв от нагуги. Горели обожженные руки и будто прирастали мясом к железу. Изю всех сил ударил по замку. Замок раскиснул. Русские, украинцы, чехи, поляки, французы получили свободу из рук советского солдата Хома Хаепкого.

Сержант-минометчик, кавалер ордена Славы, Александр Гончар освобождал Ру-

шей Победы, а следовательно, в защиту мира во всем мире.

Как весь народ, вся наша литература борется сейчас за мир. Не случайно в этом году мы получили две великолепные поэтические книги о наших друзьях и врагах на Западе — символическую «Друзья и враги» и «Английские везелье» Николая Байзана.

В книге Байзана есть стихи о народе Англии, который солдаты с нами, есть стихи о правителях Англии, которые куплены оптом Америкой.

За доллары вождя и звать Вест остров отдают, Чтоб сохранить, чтоб не отдать Усадебный уют.

Эттия и Бевни не в силах опровергнуть украинского поэта. Они спасают собственную шкуру, помогая превратить Англию в 49-й штат. Но их народ дураком мнения, и об этом он заявляет все громче.

На разных языках наши писатели разных возрастов и творческих направлений в едином стремлении ведут святыню борьбы за мир.

От имени СССР, от имени советских писателей, как представитель советской литературы выступает на зарубежных конференциях в защиту мира писатель Александр Фадеев. В Париже Фадеев говорил: «Я призываю всех деятелей культуры, независимо от их национальной и расовой принадлежности, от их политических и религиозных убеждений, возвысить великий голос гуманизма, взвешанного нам лучшими людьми каждой из наций, против поджигателей войны и против их певцов и подголосков».

Я, рядовой советский литератор, прослуживший всю войну в звании рядового солдата, поднимаю свой голос в защиту мира, против новой войны.

Советские люди всегда, преодолевая любые трудности, шли к миру, к созданию новому труду, к поэмам и балладам об этом труде, — советским людям бесконечно дорог мир во всем мире, и потому мы, советские писатели, стремимся быть достойными своего народа, бороться за мир, отстаивать его и всегда готовы сражаться за него.

нов «Падение Парижа», «Буря», его страстных статей в годы войны и мира! И поэтому, когда в Париже на Всемирном конгрессе сторонников мира Илья Эренбург сказал: «Мы пришли сюда, чтобы протянуть руку всем людям, которые действительно ненавидят войну», — люди 70 стран в его лице приветствовали самую миролюбивую и справедливую страну. И поэтому, когда Константин Симонов на конгрессе в Праге сказал: «О врагах надо помнить, и борьбу с ними нельзя прекращать ни на один день», — люди разных наций и разных политических убеждений, подняв сжатые кулаки, выразили этим готовность неустойно вести борьбу с атомщиками, с врагами мира, с врагами человечества.

В Париже негритянский певец Поль Робсон пел русскую песню. Он пронес ее в своем сердце через все таможенные кордоны. Этой песней он заявил всему свету о солидарности своего народа с советскими людьми. Негр пел русскую песню в Париже, а в Баку советский поэт Самед Вургуна написал поэму «Говорит негр». И негр из США, и азербайджанец из СССР хорошо понимают друг друга — они против войны!

Я не знаю азербайджанского языка, не готов еще стихотворный перевод поэмы, но даже подстрочный перевод заставляет утаснее биться сердце. Герой поэмы, негр-художник, говорит: «Америка! Новый свет! Вот мой родная отчизна. Белые кости моего деда лежат в этой земле. Там море мое, воздух мой, земля моя, небо мое... Но моя родина — мне чужбина. Это горе и сострадание меня ружьбаю». И он рассказывает о том, что двери всех го-стиниц и ресторанов закрыты перед ним, каждый встречный презрительно бросает ему в лицо: «негр». Он «от странного перелетывает книгу скорби», молчаливой тоски и мечты о свободе. Художник спрашивает: «Как мириться с этим всю жизнь?»

Заканчивается поэма строками, посвященными товарищу И. В. Сталину. «Пе-

С. ГУДЗЕНКО НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ БОРЬБЫ ЗА МИР

и железной воле коммуниста, написал тогда отличные стихи К. Симонов.

Венгерское красное знамя Его освещает в бою, И где б он ни бился — он всюду За Венгрию бьется свою.

Свобода пришла в Венгрию, на родину Матэ Залка, гитлеровская Германия пала. Но где-то в западной зоне Германии еще доживает свой век адмирал Хорти, погубивший тысячи венгров, где-то там по-ступили на службу в американскую разведку гитлеровские генералы Гальдер и Гудерман. Их пригрела трумановская Америка, они помогают своим новым хозяевам готовить войну.

Советский поэт, борясь за мир, наносит поджигателям новой войны меткий удар. Поэт выступает на митинге в Канаде. Первые ряды фашиствующих хулиганов, «залобных, сытых, молодых, в плащах, со жвачками в зубах», готовятся сорвать его выступление. Они и их хозяева боятся, что народ узнает правду о Советской стране. Но после трех слов — Россия, Сталин, Сталинград — первые три ряда сматы мочуей волной «сура», всколыхнувшего весь зал.

Эти стихи о миллионах наших друзей — простых людях всего мира. Они заканчиваются строками:

...теперь, когда Войной грозит нам, иногда, Я вспоминаю этот зал, Зал!

А не первых три ряда.

Так поэт-фронтовик после войны борется за мир.

Сила и особенность нашей литературы — боевой и действительной — в том, что число ее друзей во всем мире растет с каждым годом и с каждой хорошей книгой.

Советские писатели на протяжении многих лет находятся на переднем крае борьбы с фашизмом. Борьба с фашизмом — генеральная тема многолетней работы Илья Эренбурга. Кто не знает его рома-

мынию и Чехословакию, ходил в атаку на берегах Дуная, сбивал замки с горящих камер смерти, и потому с таким вдохновенным рассказом обо всем этом.

Писатель-фронтовик — это высокое звание стало традиционным для советского литератора. Тридцать лет назад вместе с бойцами за мир, вместе с отрядами, теснящими интервентов, шли А. Серафимович, Дм. Фурманов, П. Островский и А. Фадеев, на чьих книгах воспитывалось новое поколение победителей — солдат Великой Отечественной войны.

Не было у нас в годы войны поэта, прозаика, драматурга, который не откликнулся бы на тему войны за мир — сборником стихов, песней, поэмой, романом, драмой. И лет, пожалуй, сейчас в нашей стране действующего литератора, который бы не посвящал своих новых книг борьбе за мир. А Гончар написал о том, как Свобода пришла в Центральную Европу, Н. Вирта — о том, как эту Свободу хотели погубить, как ее спасли честные люди, руководимые коммунистами. В пьесе «Заговор обреченных» Н. Вирта показал американцев, направляющих деятельность заговорщиков.

Пьеса Н. Вирты не только фиксирует уже свершившееся, она предостерегает. Слова Ю. Фучика «Люди, будьте бдительны!» можно поставить к ней эпиграфом.

Так советская литература, помогая нам победить фашизм, сразу же после дня Победы вступила в борьбу за прочный и длительный мир.

Говоря о снайперски точном ударе по поджигателям войны, я думаю прежде всего о книге К. Симонова «Друзья и враги».

...12 лет назад в Испании погиб венгерский писатель-коммунист Матэ Залка, известный там как генерал Лукач. Он сражался в Испании за свободу своей родины, он не дождался до того дня, когда замесовцы Сталина освободили его родной Будапешт. О нем, о его светлой душе

шеи Победы, а следовательно, в защиту мира во всем мире.

Как весь народ, вся наша литература борется сейчас за мир. Не случайно в этом году мы получили две великолепные поэтические книги о наших друзьях и врагах на Западе — символическую «Друзья и враги» и «Английские везелье» Николая Байзана.

В книге Байзана есть стихи о народе Англии, который солдаты с нами, есть стихи о правителях Англии, которые куплены оптом Америкой.

За доллары вождя и звать Вест остров отдают, Чтоб сохранить, чтоб не отдать Усадебный уют.

Эттия и Бевни не в силах опровергнуть украинского поэта. Они спасают собственную шкуру, помогая превратить Англию в 49-й штат. Но их народ дураком мнения, и об этом он заявляет все громче.

На разных языках наши писатели разных возрастов и творческих направлений в едином стремлении ведут святыню борьбы за мир.

От имени СССР, от имени советских писателей, как представитель советской литературы выступает на зарубежных конференциях в защиту мира писатель Александр Фадеев. В Париже Фадеев говорил: «Я призываю всех деятелей культуры, независимо от их национальной и расовой принадлежности, от их политических и религиозных убеждений, возвысить великий голос гуманизма, взвешанного нам лучшими людьми каждой из наций, против поджигателей войны и против их певцов и подголосков».

Я, рядовой советский литератор, прослуживший всю войну в звании рядового солдата, поднимаю свой голос в защиту мира, против новой войны.

Советские люди всегда, преодолевая любые трудности, шли к миру, к созданию новому труду, к поэмам и балладам об этом труде, — советским людям бесконечно дорог мир во всем мире, и потому мы, советские писатели, стремимся быть достойными своего народа, бороться за мир, отстаивать его и всегда готовы сражаться за него.

нов «Падение Парижа», «Буря», его страстных статей в годы войны и мира! И поэтому, когда в Париже на Всемирном конгрессе сторонников мира Илья Эренбург сказал: «Мы пришли сюда, чтобы протянуть руку всем людям, которые действительно ненавидят войну», — люди 70 стран в его лице приветствовали самую миролюбивую и справедливую страну. И поэтому, когда Константин Симонов на конгрессе в Праге сказал: «О врагах надо помнить, и борьбу с ними нельзя прекращать ни на один день», — люди разных наций и разных политических убеждений, подняв сжатые кулаки, выразили этим готовность неустойно вести борьбу с атомщиками, с врагами мира, с врагами человечества.

В Париже негритянский певец Поль Робсон пел русскую песню. Он пронес ее в своем сердце через все таможенные кордоны. Этой песней он заявил всему свету о солидарности своего народа с советскими людьми. Негр пел русскую песню в Париже, а в Баку советский поэт Самед Вургуна написал поэму «Говорит негр». И негр из США, и азербайджанец из СССР хорошо понимают друг друга — они против войны!

Я не знаю азербайджанского языка, не готов еще стихотворный перевод поэмы, но даже подстрочный перевод заставляет утаснее биться сердце. Герой поэмы, негр-художник, говорит: «Америка! Новый свет! Вот мой родная отчизна. Белые кости моего деда лежат в этой земле. Там море мое, воздух мой, земля моя, небо мое... Но моя родина — мне чужбина. Это горе и сострадание меня ружьбаю». И он рассказывает о том, что двери всех го-стиниц и ресторанов закрыты перед ним, каждый встречный презрительно бросает ему в лицо: «негр». Он «от странного перелетывает книгу скорби», молчаливой тоски и мечты о свободе. Художник спрашивает: «Как мириться с этим всю жизнь?»

Заканчивается поэма строками, посвященными товарищу И. В. Сталину. «Пе-

ПАРТИЯ ВЕДЕТ

И. ОМАРОВ, секретарь ЦК КП(б) Казахстана

Цейные основы казахской советской литературы были заложены в исторические дни борьбы за советскую власть в Казахстане...

За годы советской власти необычайно расширилось народное хозяйство Казахстана, его наука и культура...

Продолжая замечательные традиции подвиги просветителей прошлого века Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина...

Казахская советская литература росла и зрела в ожесточенной борьбе с враждебными националистическими тенденциями...

Все наши писатели, поэты, актеры и артисты и помнят, что своими творческими успехами они обязаны партии Ленина-Сталина...

В январе 1947 года ЦК КП(б) Казахстана принял решение «О грубых политических ошибках в работе института языка и литературы Академии наук Казахской ССР»...

ЦК КП(б) Казахстана мобилизовал тогда литературоведов, критиков на борьбу против всевластных проявлений буржуазной идеологии...

В августе прошлого года было проведено совещание писателей при ЦК КП(б) Казахстана. В сентябре вновь обстоятельно обсуждалось состояние и проблемы дальнейшего развития казахской советской литературы...

После исторических постановлений ЦК КП(б) по идеологическим вопросам и указаний ЦК КП(б) Казахстана наши писатели создали значительное количество новых произведений...

Нет сомнения, что новая встреча наших писателей, поэтов, актеров, работников искусства с московской литературной общественностью укрепит наши творческие связи...

автору удалось показать живые образы колхозных деятелей Казахстана, успешно разрешающих проблемы развития колхозного строительства...

Эпический характер приобретает в новых произведениях наших писателей изображение героини Отечественной войны. В романе А. Нуреева «Куряндия»...

Решительный поворот к современности произошел и в казахской поэзии, до последнего времени отставшей от шапсов народа...

Серьезный счет мы предъявляем нашим драматургам. Правда, за два последних года ими написано свыше 20 пьес и оперных либретто...

Под направляющим руководством коммунистической партии советские писатели Казахстана добились значительных успехов. Разумеется, в их творчестве еще много и существенных недостатков...

Декада казахского искусства, с успехом прошедшая в 1936 году, содействовала подъему литературы и всех видов нашего национального искусства...

Декада казахского искусства, с успехом прошедшая в 1936 году, содействовала подъему литературы и всех видов нашего национального искусства...

В декабре прошлого года казахская литература впервые в своей истории отмечалась в Москве на XII пленуме правления ССР СССР...

С Москвой, таким образом, связаны лучшие страницы истории казахской советской литературы. Не случайно большая тема Москвы — «Красавицы веков»...

В связи с открывающейся 10 мая в Москве декадой казахской литературы председатель Союза советских писателей Казахской ССР С. Муканов...

Леонид СОБОЛЕВ

Литература, рожденная революцией

1. Декады национальных литератур стали прекрасной традицией, служащей великому делу «взаимного и широкого ознакомления с культурами братских республик»...

В них есть подлинная взаимность знакомства. Для нас, москвичей, они являются праздником искусства, на котором мы знакомимся со всем тем новым, что создано в своей литературе данным народом...

На этих декадах закрепляются прежние творческие связи и завязываются новые. Так расширяется круг друзей данной национальной литературы, подтверждающих свою дружбу делом...

Этот взаимный обмен художественными ценностями еще теснее сближает народы Советского Союза, способствует их взаимопониманию и укрепляет великую сталинскую дружбу национальностей...

2. Современный расцвет казахской литературы как бы отражает историю ее родного народа. Великая пролетарская революция вырвала этот народ из полуфеодального рабства...

Ныне казахская литература по праву занимает почетное место в многонациональной советской литературе. Патриотическая, глубоко народная, преобладающая в своей национальной форме и понятная всем нам своим социальным содержанием...

3. Знаменательно, что первым казахским романом, получившим Сталинскую премию, оказался роман об Абае Кунанбаеве. В свое время Абай привнес в степь Пушкинскую Татылю, ознакомил свой народ с русской литературой...

4. Так же чрезвычайно молода и казахская драматургия — и она озадачилась на наших глазах менее чем за тридцать лет. Этой необычайной молодостью казахской драматургии и объясняются все ее сильные и слабые стороны.

5. Сила ее — в страстной неустрашимости, в ясности основной мысли, в простоте и доходности выражения ее, в драматическом напряжении событий и в присущей всякому произведению казахского искусства поэтичности...

6. «Абай» Мухтара Ауэзова — это настоящий роман, то есть книга большого размаха, подымающая целие пласты жизни, создающая широкие и зримые картины быта, человеческих страстей, любви, вражды и — главное — воплощающая в ярких, врезавшихся в память образзах

глубокие жизненные процессы истории народа.

Работать над переводом этого романа было для меня настоящим наслаждением. Выразительность и пластичность образов, яркость и афористичность языка, глубокая поэтичность — все это превращало в радость кропотливый труд поиска нужных слов и оборотов...

Особенность ее исторического развития заключается в том, что казахский народ в прошлом не имел возможности ни создавать, ни совершенствовать искусство художественной прозы. Не имея письменности, народное творчество могло пользоваться лишь стихом, легко укладывающимся в песню и поэтому удобным для устной передачи другим слушателям...

7. Если казахская поэзия насчитывает семь веков непрерывного развития, то казахская проза начала создаваться лишь после Великой Октябрьской революции, когда она получила, наконец, необходимой-ся основе для своего существования — народную грамотность.

В самом деле, первое прозаическое произведение на казахском языке — роман Испандияра Кубеева «Калым» — появилось только в 1908 году. Вслед за ним писатель-демократ Торайғыров оставил два незаконченных романа — «Красавица Амар» и «Кто виноват».

С первых же лет революции молодые писатели Казахстана смело взялись за новые для родной литературы жанры — драму и прозу. Одно за другим стали появляться прозаические произведения: романы Сабита Муканова «Мои метектеби», «Загадочное знамя», новеллы Габита Мусрепова, романы: «Жылы и смерть» Г. Мустафина, «Мои ровесники» Саттара Ерубаева и, в последние годы, романы Мухтара Ауэзова «Абай», Сабита Муканова «Ботагыз» и «Сыр-Дарья», Габиден Мустафина «Миллионер».

И тот факт, что одно из произведений казахской прозы отмечено Сталинской премией, означает очень многое.

8. Это означает, что казахская литература за годы существования советской власти в Казахстане не только создала свою художественную прозу, но и додела ее до такой степени совершенства, что на всенародном состязании искусств сумела выйти на первое место, соревнуясь с литераторами давно сложившимися, определившимися за века своего развития и находящимися во всей силе своего расцвета.

9. Так же чрезвычайно молода и казахская драматургия — и она озадачилась на наших глазах менее чем за тридцать лет. Этой необычайной молодостью казахской драматургии и объясняются все ее сильные и слабые стороны.

10. Сила ее — в страстной неустрашимости, в ясности основной мысли, в простоте и доходности выражения ее, в драматическом напряжении событий и в присущей всякому произведению казахского искусства поэтичности...

11. Одним из своих достоинств казахская драматургия, как и проза, обязана устойчивому казахскому эпосу. Поэмы эти глубоко драматичны, персонажи их очерчены ярко и выукло, сюжет развивается с нарастающим напряжением, ведущим к трагическому развязке. Поэтому не случайно, что они послужили поводом к созданию первых казахских драматургических произведений — пьес «Елжис-Кобек» (1921 г.) и «Айман-Шолпан» Мухтара Ауэзова, первых казахских музыкальных драм и опер — «Кыз-Жибек» и «Ер-Тарғын».

12. А впоследствии — драмы Габита Мусрепова «Баян-Слу и Козы-Корпеш». От эпических поэм казахская драма и унаследовала свою поэтичность, драматическое напряжение сюжета, романтичность, народный юмор и стремление рассказать о событиях возможно проще и яснее — качества, которыми она отличается и теперь.

Зароившись и назав формируясь в годы острейшей классовой борьбы, театр в Казахстане не мог оставаться в стороне от общего государственного и политического дела, которым жил народ.

13. Казахская литература в некотором отношении всегда была близка к театру: акына-певца можно рассматривать как своеобразный театр одного актера, ибо здесь налицо первичный признак театра — исполнитель и слушатели.

14. В пьесе Альжанпара Абишева «Дружба и любовь», вышедшей в декаде издательством «Искусство», сказываются все сильные и слабые стороны казахской драматургии.

15. Пьеса эта появилась перед концом Великой Отечественной войны, и основная ее идея выражает то, чем жил тогда казахский народ: стремление всеми средствами содействовать победе.

16. Замечательно в этой пьесе то, что автор шлет в людей главное, чем живет народ: глубокою любовью к Родине, самоотверженностью в труде, большевистской настойчивостью в преодолении трудностей, честностью и благородством души.

17. В этом смысле пьеса Абишева достигает своей цели. А раз так, то можно простить ей те недостатки, порою существенные, о которых мы поговорим на декаде. Главное не в них, а в том, что пьеса эта правдиво показывает новых людей Казахстана, новые поступки и чувства.

18. Поискам нового посвящено все творчество Альжанпара Абишева. Одним из первых он ввел в казахскую драматургию тему индустриальной мощи Казахстана, вызванной к жизни советским государственным строем, и вместе с ней — образы новых людей преобразующейся страны.

19. Казахская поэзия — единственный литературный жанр, существовавший до исторического перелома судьбы казахского народа. Но и это веками сложившаяся и достигшая высокой степени совершенства искусство обогатилось жизненной силой революции.

20. Известный и любимый народом акын — он замолчал задолго до революции: не было сил неть в стране, погруженной в мрак бесправия, нищеты и двойного рабства. Но блеснул первый луч зари, грянула революция, — и старый беркут встрепенулся и вылетел над степью, наполняя ее мощной песнейю.

21. Ореп парит, если крылья его поддерживает воздух. До революции не было воздуха, который поддерживала бы могучий талант Джамбула. Революция сдала власть баев и парских чиновников, и воздух — вольный, свежий воздух свободы.

22. Мне вспоминается сейчас, как в Осло в 1946 году я рассказывал норвежским писателям о Джамбуле, о том, как он молчал в течение долгих лет и как, в глубокой старости, он со всей страстью, со всем искусством, со всем вдохновенным гением-самородка зашел при первом проблеске жизни, осветившем родную степь.

23. В переводе на мой осведомленный военно-морской английский язык пересказ «Песни о Родине» звучал, вероятно, бедно. Но сила образов этой поэмы, ярчайший контраст рабства и свободы, жизни и смерти, нищеты и богатства дошли до тех же моих собеседников, кто был и остается нашими верными друзьями. Один из них сказал: «Я понимаю: революция заново рождает искусство». Это был поэт, которого не печатали норвежские журналы и который прядил на прогословал теперь за Северо-атлантический пакт.

24. Да, революция заново рождает искусство. В великодушные, веками вычеканенные формы казахского стиха-импровизации Джамбула внес новое содержание. Первый из казахских поэтов он заговорил о будущем, которое уже видно в настоящем, нашел ему прекрасные и мощные образы и указал этим дорогу своим преемникам — современным казахским поэтам.

25. Выпущенный в декаде Гослитиздатом сборник современных стихов тринадцати казахских поэтов «Солнечный день Казахстана» показывает, что наследники Джамбула идут по верному пути. Блугу эту закрываешь с таким чувством, словно ты побывал в Казахстане, сам увидел его просторы и богатства, его сегодняшней дед, золотые и верные сердца его людей и — главное — твердую и мужественную их волю к счастью, готовность строить его и записывать. В этом жизненная правда, а значит — и поэтическая сила книги.

26. Казахская поэзия видит будущее, видит — и зовет к нему народ. Те безыменные акыны, которые складывали эпические поэмы, тоже искренне любили свой народ, поэтому-то их поэмы и живут веками. Но в тьме бесправия, нищеты и народной нищеты будущее было от них скрыто. Они могли лишь мечтать о нем в неясных формах поэтического видения.

27. Революция открыла казахской поэзии глаза — и теперь она, как орел, может смотреть прямо на солнце. Это солнце — солнце коммунизма. Оно уже встало над нашей страной, оно освещает наши труды. Разогнав грозные тучи заслонившей было его войны, пробиваясь сквозь новые облака, полунше из-за океана, оно ярко светит нам. Оно помогает вдохновенному труду идущих к нему народов. Оно же рождает и вдохновенную поэзию, выражающую душу народа.

28. Подведем итоги.

29. Из всего сказанного следует, что казахская литература, в течение долгих веков развивавшаяся только в традициях устной поэзии, передавая которую не смог даже гений Абая, получила возможность своего расцвета во всех своих отраслях — в прозе, в драме и в самой поэзии — лишь благодаря Великой Октябрьской революции, лишь благодаря животворной идее коммунизма.

30. Во все времена и во всех странах расцвет искусства выражал не только силу и жизнеспособность данного народа, но и его высокую культуру и человеческие качества. В период исторического упадка народа падало и его искусство. Человеческо-националистические идеи действовали на искусство, как яд: оно начинало вяннуть и гибнуть. Раб, лишенный свободы, петь не станет. Убоиному человечеству стужду, гонимому на войну, не до романов. Голодному и нищему не войдет в голову замысел пьесы. Убийце и насильнику искусство чуждо.

31. Советский государственный строй вызвал к жизни искусство светлое, полное надежд, верящее в счастье и зовущее к нему. Он создал в этом искусстве новые, неизвестные до того формы художественной прозы и драмы. Не доказывает ли это явный разрыв с традиционной силой этого политического строя? Не говорит ли это о том, что народ, вошедший в советскую эпоху, живет полной жизнью, дышит полной грудью?

32. А раз так, то кто может остановить нас на пути к общему нашему, всенародному счастью — к коммунизму?

33. Добро показывать, дороге казахские друзья — прозаики, поэты, драматурги, певцы, музыканты, артисты! Слпой своего яного искусства, его расцветом вы доказываете, что все идет правильно: мы живем, мы побеждаем, мы строим историю, мы идем за великим Сталиным к коммунизму — в мир такой силы, как бы подла, мрачна и жестока она ни была, которая останавливала бы нас на этом пути!

Писатели Казахстана в Москве

лауреат Сталинской премии К. Байсеитова, народные артисты Казахской ССР: Ш. Айтманов, лауреат Сталинской премии А. Умбетбаев, композитор А. Жубанов, Ж. Омаров, Шара, заслуженные артисты Казахской ССР: лауреат Сталинской премии Ш. Байсеитова, лауреат Сталинской премии Б. Досымжанов, Х. Букеева, К. Кешкетбаев, дипломат Всесоюзного конкурса мастеров эстрады Р. Багаинова и другие, а также оркестр народных инструментов Казахской государственной филармонии в составе 65 человек.

Казахское государственное издательство выпустило к декаде на русском языке сборники стихов поэтов Г. Орманова, А. Тажимаева, К. Аманжолова, А. Сарсенбиной, Т. Жарокова, К. Алякшырарова, сборник произведений народных акынов «Песни о вождях и родине», сборник молодых писателей Казахстана «Бояная молодость», вторую книгу романа М. Ауэзова «Абай», роман С. Муканова «Сыр-Дарья», повесть Д. Снегина «На дальних подступах», повесть Г. Сланова «Дальние широты», повесть Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана» и другие.

В переводах на казахский язык вышли произведения виднейших русских и советских писателей. На казахском языке под редакцией Х. Бекхожина издана антология поэзии братских республик Советского Союза. В этой книге представлены крупнейшие поэты Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии и других республик.

Открытие декады казахской советской литературы состоится в Большом зале Консерватории. В дни декады будут проведены вечера казахской литературы в клубы и авторы культуры московских заводов, в высших учебных заведениях столицы. ЦДКА. Заключительный вечер состоится в Колонном зале Дома союзов.

В Центральном доме литераторов открыта выставка казахской книги. В комиссиях и секциях Союза советских писателей СССР будет проведено обсуждение творчества казахских прозаиков, поэтов, драматургов и детских писателей.

К новым победам человечества!

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Наша Родина, как и в годы войны, идет в первой шеренге всех демократических сил мира, стремящихся к победе разума и трудолюбия. В этом меня с особой силой убедил недавний боевой смотр антиимпериалистических сил в Париже.

Группа делегатов Всемирного конгресса сторонников мира направлялась в парижский Зимний цирк. Предстояло собраться в первом этаже цирка, в круглом помещении, отведенном для международной выставки на тему «Борьба за мир».

Здесь, как и на протяжении всего конгресса, я беседовал с людьми, которые с чувством гордости говорят о СССР, видя в нем олот мира и могучего борца за правое дело человечества.

Человек, чья петлица была украшена значком Мира, жал мне руку и вспоминал Дубосекова, развед под Москвой. Он говорил о советских героях, посланных на защиту Москвы многими нашими советскими республиками. Мы осматривали стенды выставки, а этот человек вполголоса говорил о самой протрениваемой в годы войны ударной бригаде — Невском проспекте. Он сказал мне, что хранит, как реликвию, карту Сталинграда.

Я убедился, что все, нами пережитое, стало частью жизни этих людей...

Другой делегат, бельгиец, вспоминал бой под Курском, двенцовские переправы, охваченные смертельными огнем. Держа меня за локоть, он спрашивал шепотом, наклонясь к моему уху:

— Скажите: чего там было больше на Днестре — воды или огня?

И он вспомнил Вислу и Неман, Яссы и Будапешт, героические сражения Советской Армии на Дунае и Одере, багряное отражение наших победоносных знамен в водах Шпрее.

Я кинооператор, — сказал он. — Я видел две дороги. Одна шла к Берлину с востока. Она была полита кровью, покрыта трупами. Этой дорогой двигались солдаты Советской Армии. Я помню и другую дорогу — широкую автостраду, тянущуюся к западу к Альпам. Это была сплошная «люкстартен», сад удовольствий. Этой дорогой ле шли, а шествовали американцы, чьи офицеры, с иголочки мундиры не пожелавшие даже от солнечных лучей.

В зале Шейель, где заседал Всемирный конгресс сторонников мира, члены президиума расположились за длинным столом, за которым в два ряда высидели знамена многих цветов и рисунков; остряки всех древков неизменно были украшены белым голубем.

Мы слышали в этом зале речи, смысл которых сводился к одному: «К завоеванию победы человечества над выродками. Представитель Норвегии сказал:

— Норвежский народ обманут своим же воровским правительством. Оно названо подлагает, будто мы уже забыли о том, что половина Норвегии была освобождена Красной Армией. Никто нам не вынул мысли, что советские солдаты и офицеры искали у нас помощи и помощи для полетов в близкое государство.

Выступил представитель одного из арабских народов.

— Только одна десятая часть арабских детей, — сказал он с печалью, — учится в школе. Что это значит? Повидимому, девять десятых маленьких арабов школьного возраста не считаются людьми! Хороша арабская нефть, но в тени нефтевышек не замечают самих арабов, точно они даже не являются принадлежностью нашего ландшафта. Мы будем добиваться другой жизни.

Чернокожий мальчуган — уроженец Мадагаскара, сияя большими глазами, воскликнул:

— Что наши острова? Тюрьмы без решеток! Тысячи перодовых людей сидят в за решетками, в сырых стенах, без надеж-

ды выйти оттуда до тех пор, пока англо-американские колонизаторы выкачают наше сырье.

20 апреля, когда впервые на трибуну поднялся Поль Робсон, зал устроил ему бурную овацию.

— Я выступаю здесь, — сказал он, — от имени моих черных братьев и от имени прогрессивной Америки.

Часто прерываемый аплодисментами, Робсон говорил о возмутительном процессе двенадцати. Он прибавил:

— Только во время путешествия по Советскому Союзу я почувствовал себя человеком. Богатство Америки создано не только теми людьми из Европы, которые переплыли океан, чтобы основать США, но и черными, привезенными из Африки, чтобы служить рабской рабочей силой. Мы за победу человечества!

Поль Робсон закончил свою речь: — Жизнь будет хороша потому, что она создана для победы над злом!

Когда транслировался для зала Шейель выступление в Праге известного китайского писателя Го Мо-жо, делегаты встали, аплодируя его словам. Он клеймил решение французского правительства не выдавать виз на парижский конгресс.

Первыми аплодировали французам, им вторили представители других наций.

На следующем заседании председатель объявил:

— Народно-освободительной армией взят Нанкин!

В эту минуту казалось, что в зале продолжается все та же овация, какую устроили делегаты по адресу Го Мо-жо.

Во мне обратился английский кинорежиссер Мэтью. Он настойчиво подчеркивал, что нельзя верить черчиллевским подделкам, утверждающим, будто существует «железный занавес советской выделки».

Я сказал, что между Западом и Востоком по нашей инициативе не было воздвигнуто никаких преград, но то, что «железного занавеса», по мы не протянули даже и хлопчатобумажной нити. Но это отнюдь не означает отсутствия непреодолимой преграды между общечеловеческой культурой и кровавым свинством возрождаемого фашизма.

Мы сошлись с мистром Мэтью и в вопросах литературных. Я упомянул, что Шекспир на таджикской сцене звучит прекрасно. Улыхався о неизменно англоязычных сборах Сталинабадского театра в дни постановок шекспировских пьес, Мэтью с горечью вздохнул:

— Говоря откровенно, в Англии для многих наших преславленных ценителей Шекспир «не звучит»: эти снобы считают, что Шекспир — ископаемое.

— Да, они утверждают, — с огорчением продолжал Мэтью, — что Шекспир устарел, стал антиквариатом.

Наумленный словами Мэтью, я попытался проверить — уж не валились ли мителен режиссер, и потому заговорил о Шекспире с одним из витных лейбюджетских деятелей. Горечи Мэтью и моего изумления лейбюджет не разделял:

— Ну да! И что же? Зрителям большей частью правы. Шекспир как драматург действительно устарел. Его метафоры, — лейбюджет полагал, — его риторику приподнятые страсти, о, нет, нет!

Оказываясь, мистер Мэтью нескромно не преувеличивал.

На обширном стадионе Буффало состоялся митинг в защиту мира. Невзвря на десять тысяч «кажанов», а также полнитоного, более замаскированного характера,

к Буффало устремились «караваны мира» со всех концов Франции, из Голландии, Бельгии, Италии. Шли шахтеры Франции, живущие все так же, как жили углекопы Боля. Шли ветераны войны, в том числе и слепые — с поводырями. С маленькими букетами излюбленной фиалки на груди шли французские женщины, высоко неся над собой голубей, сделанных из бумаги. А когда на трибуну поднялся А. Фадеев, женщины понесли ему огромного голубя, искусно сплетенного из свежих цветов, и окружили его плакатами, на которых было написано: «Мы не разрешим посылать своих сыновей на войну против Советского Союза».

Один из английских делегатов сказал мне:

— Не думаете ли, что черчиллевские подделочки не очень ошибаются? Они находят, что самое опасное существо в мире — женщина. Здесь, на стадионе, я чувствую, я верю, что однажды женщины нашей эпохи остановят безумные войны!

Я побывал в городе Сен-Дени, находящемся в двадцати пяти километрах от Парижа и заселенном преимущественно рабочими. Улицы — грязные, старые, давно (а может быть и никогда) не ремонтированные дома пропитаны пылью и той же грязью. В одной комнатухе живет по две семьи. Воздух удручал. Весь Сен-Дени пронят серыми испарениями заводов и фабрик.

Приезд советского делегата был отмечен митингом трудящихся, собравшихся в низком, но просторном зале рабочего клуба.

Население Сен-Дени, — сказал один из выступавших, — не может похвастаться здоровьем; свыше сорока процентов детей больны открытой формой туберкулеза. Но о нас заботится коммунистическая партия, ее представителей немало в наших рядах. Мы ведем борьбу с предпринимателями, но наша победа связана с победой всего народа и зависит от нее.

Мой спутник, вице-председатель «Франко-советского общества» Гренье сказал мне:

— Этот товарищ прав! Предстоит еще упорная борьба за свободу земли, отданной в ярмо американского рабства.

В канун дня Победы я вспоминаю многие речи, смысл которых может быть выражен одной мыслью, высказанной Жюльеном: «Мир нуждается не в безразличии, а в активной заботе».

Парижский конгресс — только один из листов венка Победы, который сплетает человечество своим освобождением. Человечество не хочет и не будет жить в клетке. Пусть беснуется позитивная война. Пусть они строят свои базы для бомбителей налетов, пусть они пытаются влодь всей Европы рыть новую линию окопов мировой войны, — эта линия станет окопом для всех стертванников, какой бы они ни были окраски и как бы они ни были расписаны: в частую полоску и в мелкую раскладку.

Ныне, когда народы земного шара включились в активную борьбу за укрепление дела мира во всем мире, когда поработенные веками колониальными странами ведут борьбу за свою национальную независимость, стремясь к полноте свободы, когда мы радуемся огромным успехам Народно-освободительной армии Китая, — невозможно во всем этом не видеть плодотворной победы Советской Армии, одержанной четыре года назад над фашизмом; и долго еще будут громоздиться раскаты этой Победы вдохновлять человечество на его пути к свободе и прогрессу.

Парижский конгресс еще раз показал, что на земном шаре есть кому отстаивать то, что завоевано нашим советским народом в его борьбе с фашизмом. Особенно отрудно сознавать это нам — в день нашей Победы!

А. ШТЫЛЬКО

ПОВЕСТЬ О НЕРУШИМОЙ ДРУЖБЕ

Август 1944 года. Победоносные дивизии Советской Армии с жестокими боями продвигаются на Запад, освобождают народы Европы от гитлеровского рабства. Печам нанесен новый сокрушительный удар на Висле, и советские войска в районе Карпат приблизились к Чехословакии.

В эти дни в глубоком немецком тылу разгорелось словачское народное восстание. В рядах повстанцев доблестно сражались рабочие и крестьяне, юности и девушки, прогрессивная интеллигенция, перешедшие на сторону повстанцев солдаты и офицеры словачской армии. На повстанцев двигались немецкие танковые дивизии и штурмовики фашистского правительства Тисо.

Предатели народа провокациями пытались сломить дух партизан. Но ничто не могло поколебать их волю к победе.

Об этой героической стороне из жизни свободолюбивого словачского народа рассказывает книга одного из виднейших писателей Словакии — Петра Илемницкого «Хроника». Имя его уже знакомо советским читателям по роману «Невысказанное слово», в котором писатель правдиво и ярко описал процесс разорения словачской деревни в довоенные годы и беспрепятственную жизнь словачского пролетариата.

Автор не ставил перед собой задачу описать всю историю восстания, охватившего Словакию огнем освободительной борьбы. «Хроника» повествует о днях восстания в маленьком уезде Словакии, затерянном в горах.

«Карпатские горы, покрытые лесом, — без конца и края. За год до восстания, в жаркий июльский день десятилетия Гондла, от имени которого ведется рассказ, встречается в лесной чапе незнакомец. Это офицер сформированной на советской земле чехословацкой части. В Словакию он переброшен на самолете.

В самые тяжелые дни войны простые люди Словакии твердо верили в то, что дело, за которое борются советские люди, непоколебимо, что Высшие Татры и Яловневые сады в долинах утлят славных воинов-освободителей.

«В ту зиму, — рассказывает в книге десятилетия Гондла, — когда русские иголову разбили немцев под Сталинградом, у нас родился дочурка. Попали слухи о тяжелом поражении немецкой армии... и я стал радостно ждать, что война скоро кончится и наступит лучшее времена.

Вот и решили мы с женой назвать девочку Надеждой в память этих всеобщих надежд».

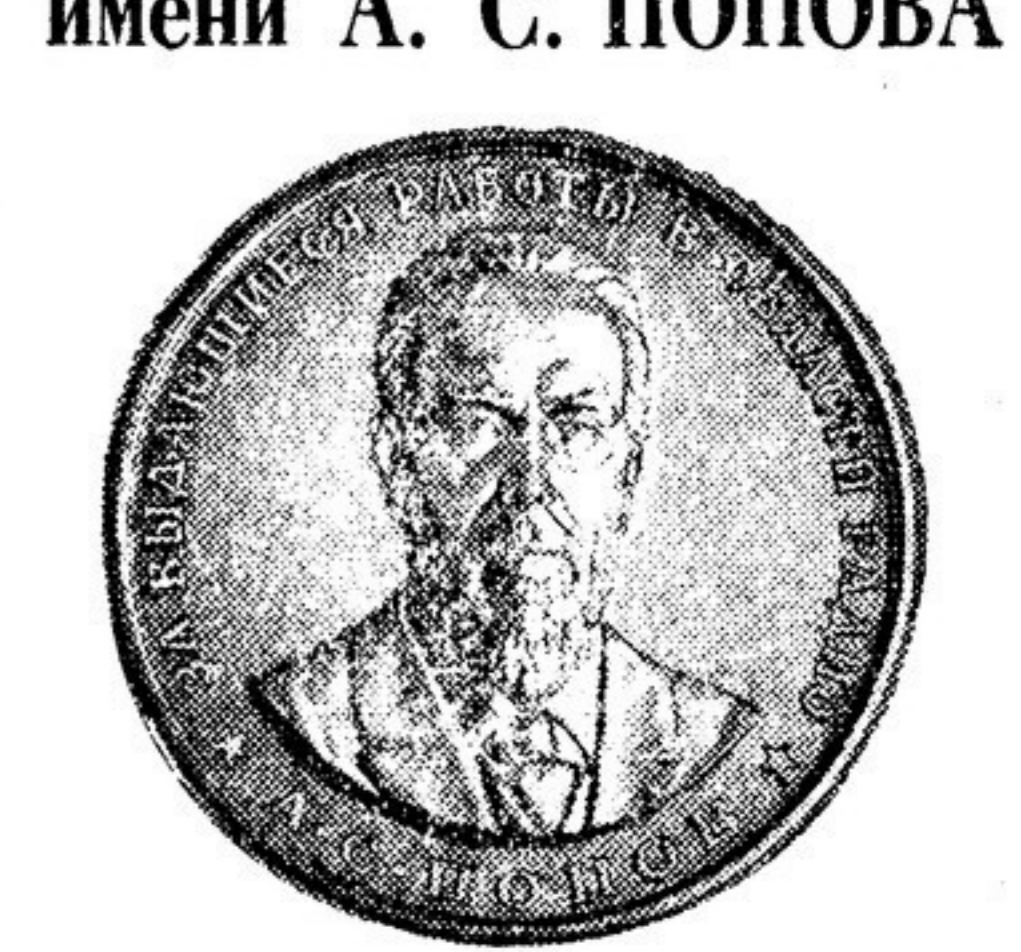
Каждая новая весть о победах советских войск укрепляла в словачском народе надежду на скорое освобождение, укрепляла волю к борьбе с фашизмом.

С большой теплотой и художественной силой рассказывает автор о смеюте и благородстве советских людей, посланных великой страной социализма сражаться за свободу и счастье братского словачского народа, — русских инженерах-партизантах, славной пилотке солдат — братьев Козловых, о героическом отряде подполковника Шукалева, о советских офицерах и партизанах, пришедших в глухие горные места помочь словачам расчиститься с угнетателями.

Эти люди — посланцы Советской страны — оказали огромную помощь в подготовке восстания, а затем героически сражались в рядах повстанцев. Их великодушное мужество, их непреклонная воля к победе служили вдохновляющим примером для тысяч мужчин и женщин из словачских гор и селений. На их глазах, рука об руку с ними, советские воины преодолевали трудности, которые казались непреодолимыми, не жалея своей крови и своей жизни, чтобы звенел веселый девичий смех в словачских селах, чтобы радостно стало дышать рабочим Братиславы. И люди в городке Бановая Быстрица.

Петер Илемницкий «Хроника», Государственное издательство иностранной литературы, Москва, 1948.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ имени А. С. ПОПОВА



Наша страна — родина радио. Пятьдесят четыре года назад — 7 мая 1895 года — выдающийся русский ученый Александр Степанович Попов публично продемонстрировал в Петербурге изобретенный им первый в мире радиоприемник, названный тогда «грозоотметчиком».

Советские ученые и изобретатели непрерывно совершенствуют радиотехнику, открывая все новые пути для ее использования. СССР не только родина радио, но и страна, где оно получило наиболее широкое развитие.

Советское правительство учредило Золотую медаль имени А. С. Попова. Она присуждается ежегодно президиумом Академии наук СССР за выдающиеся научные работы и изобретения в области радио.

Впервые Золотая медаль была присуждена в прошлом году крупнейшему специалисту в области радиотехники, автору современной радиотехнической аппаратуры, члену-корреспонденту Академии наук СССР В. Вологдину.

5 мая 1949 года Золотой медали имени А. С. Попова удостоен известный советский ученый академик В. Велеский. Почетная награда присуждена ему за совокупность работ в области радиотехники и радиотехники. Академик В. Велеский — автор ряда фундаментальных трудов, в которых впервые полностью обобщены важнейшие современные знания по основным разделам радиотехники. Исследования академика В. Велеского в области распространения ультракоротких волн не имеют равных в мировой науке и технике.

КНИЖНЫЙ БАЗАР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

Традиционный книжный базар в Центральном доме литераторов, как и обычно, прошел в этом году оживленно и привлек много посетителей. 5 и 6 мая залы, где происходила торговля книгами, заполнили писатели, ученые, офицеры Советской Армии, стиховеды, инженеры, артисты, учащиеся. Каждые два часа пополнялся ассортимент книг.

Большим спросом пользовались произведения писателей — лауреатов Сталинской премии: «Необыкновенное лето» К. Федина, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Сталь и пламя» В. Попова, «Скворцовские сонеты» в переводе С. Маршак и другие. В числе книг издательства «Советский писатель» — много произведений братских литератур.

Много покупателей у прилавков, где продаются новинки Гослитиздата, «Война и мир» Толстого в одном томе, «Малехинская шкатулка» П. Бажова, «Парская обитель» Стендала, «Собор Парижской богородицы» Гюго.

Впервые на московском книжном базаре был открыт киоск Казахского объединения государственного издательства. Его книги отличаются хорошим оформлением.

К сожалению, Могиз не сумел показать всего богатства и многообразия выходящей у нас литературы. Ассортимент присланных на книжный базар изданий был небогат, а количество экземпляров наиболее хляк книг — невелико. Даже новый «Словарь русского языка», представляющий специальный интерес для литераторов, был доставлен в очень ограниченном количестве экземпляров.

За два дня книжный базар посетило около трех тысяч человек.

В базаре приняли участие писатели К. Федин, С. Маршак, В. Каверин, С. Михалков, А. Барто и артисты В. Марешка, С. Образцов, М. Жаров, Р. Зеленая, Н. Смирнов-Сокольский, М. Гаркави и др.

Сергей ГЕРАСИМОВ

Двенадцать дней в Америке

Поездка в США советских писателей широко обогатила представления наших людей об этой стране резких противоречий.

Советская делегация, прибывшая в Нью-Йорк на конгресс деятелей культуры и науки в защиту мира, находилась в Соединенных Штатах двенадцать дней.

По всем описаниям — и американским и неамериканским — мы знали, что Америка любит сенсации. В этом мы имели возможность убедиться тотчас, как только приземлился самолет: на аэродроме нас атаковала армия фоторепортеров.

Газеты встретили нас сенсационной шумихой, в которой было изрядное количество примитивного вранья, бормочущего стремления доказать нам, что Америка «не потеряла» вольнодумства и найдет способ раскрыть все наши злоумышленные козни...

Курьезное (а часто злобное) стремление высказательно толковать каждый наш жест, каждое движение обнаружилось буквально через минуту после нашего прибытия в США. Когда мы по трапу выходили из самолета, я, пропуская Д. Шостаковича вперед, на секунду поддержал его под руку. Этот момент был заснят сотней окружавших нас репортеров. На другой день снимок появился в газетах со следующей подписью: «Шостакович выходит на американскую землю. Его крепко держат за руку специально приставленный к нему неизвестный советский страж». Определив таким образом «цель» моего приезда, газетчики, при всей неясности этой версии, все же достигли своего. Хотя большинство деятелей культуры, озававших конгресс, не придало никакого значения «рекламе» подобного рода, однако, как я убедился, в Америке есть немало людей, для кото-

рых неведомые замыслы прессы составляют основу их мышления.

То обстоятельство, что советские представители в своих выступлениях убедительно и последовательно призывали американский народ совместно с советским народом вести борьбу за дело мира, являлось для множества американцев, присутствовавших на конгрессе, своеобразным откровением. День от дня, час от часа американцы открывали для себя давно известные истины. Так, они обнаружили, что советские люди широко оведалились в области американской культуры. Они общались с американцами, которые люди менее всего склонны рассматривать американцев, как враждебный им народ, и легко отлучают подлинные интересы американского народа от интересов американских агрессоров.

Митинг в Медисон сквер гардене служил этой же цели, и двадцать тысяч присутствовавших там американцев единодушно продемонстрировали свою искреннюю симпатию к Советскому Союзу. По тут вносился государственный департамент. С неспешной поспешностью он аннулировал «гостеприимство» и показал всему миру крайнюю степень страха перед своим народом, горячо поднявшимся на защиту мира.

Мы встретили на конгрессе ученых, честных, образованных американцев. Всех их отличала одна черта: горькая ироническая усмешка в отношении хваленого американского «жизненного стандарта» и той «культуры», которая мутной волной механизированной порнографии и дикарского суверия проступает повсюду — в науке, литературе, искусстве, в повседневном человеческом общении. Они, эти мыслящие, честные люди, не могут

мириться со сложившимся курсом американской внешней и внутренней политики. Некоторые из них, выступая, еще опасливо оглядываются по сторонам, но многие уже находят в себе достаточно мужества, чтобы прямо смотреть в лицо поджигателям войны и называть вещи своими именами.

Но мы увидели, разумеется, и другую Америку, которая говорит сейчас развизанным голосом бесчисленных американских газет. Эта Америка не гнушается никакими средствами, чтобы обмануть американский народ. В США сейчас много разрозненных, дезориентированных, частью огульных людей, которые в большинстве своем не имеют ясной общественной позиции. Они напуганы воинственными заявлениями американской печати и радио. Мы часто видели направленные на нас вопрошающие, испуганные глаза, в которых можно было прочесть примерно следующую мысль: «Кто же вы такие? Если верить вашим выступлениям, если верить вашему облику, вашему поведению, — то вы выходите, что вы наши друзья, а газеты говорят, что вы наши враги. Как же так?» Отвечать американцы от раздумья над этим и другими мучительными вопросами призван прословутый «стандарт жизни».

Что же представляет собой этот американский «жизненный стандарт», тщательно продуманный и приспособленный для американского обывателя?

В течение нескольких дней пребывания в Нью-Йорке мы могли ежедневно наблюдать жизнь этого оере большого города.

Общественно, что Нью-Йорк не представляет собой единого целого, что это соединение ряда городов, совершенно различных и по облику своему и по своему содержанию. Центральная часть — Манхеттен, представляющая собой как бы высокопарную рекламу всей страны, бесспорно претендует на подавляющее влияние. Высота небоскребов и сверкающие световые реклам рассчитаны на то, чтобы ошарашить неподготовленного человека, смутить привычные представления

о нормальных масштабах, естественных для человека.

Можно ли жить в таком городе? Повидимому, нет, так как сами жители Манхеттена, едва заканчивается его деловой день, стремятся покинуть его и, сложив голову, мчатся в пригороды, оставая Манхеттен с его знаменитым Бродвеем мертвым для завязатых зевак, заезжих провинциалов и иностранных туристов. Заезжие же люди с озадаченной улыбкой бредут среди кривящейся, подгнивающей, болше вертящейся, скачущей рекламы, мимо магазинных витрин на Пятой авеню, взбираются на самый высокий небоскреб Эмпайр стейт билдинг, с верхней площадки которого можно было в свое время обозреть весь Нью-Йорк, но сейчас она обнесена решеткой, — слишком много американцев бродило отсюда вниз. Этот газетированный способ самоубийства тоже кое о чем говорит.

Нагое женское тело, неподобное национальной торговой марки, стало символом американской коммерции. Нагая, полунагая, обнажающаяся, овевающаяся жепички она заполняет не только километры, но и страницы журналов и газет, рекламные листы, одежды, автомобили, гостиницы, рефрижераторы, жевательной резинки — буквально всего, что, по мнению бизнесменов, должно представлять жизненный интерес для американского народа.

Непристойность американской рекламы моментами просто невообразима. И очень странно и неприятно видеть, как мимо этого каскада наглейшей раскрашенной порнографии спокойно прохлзает американские женщины, в большинстве усталые, озабоченные, очень часто плохо одетые. Самое неприятное то, что идущие по улицам женщины давно уже, видимо, не замечают той оскорбительной роли, которую отведла им американская коммерческая «культура».

Достаточно взглянуть на обложки двадцатипятицентовых изданий, обильно представленных в любой книжной лавочке, чтобы увидеть и там совершенно то же самое.

Американский «жизненный стандарт» предусматривает помимо развлечения также и «научные» сведения для молодежи. В книжных лавках вы найдете в множестве «научно-популярные» серии брошюр, украшенных стандартной обложкой. Раскрашенный мужчина, изображенный в более или менее непристойной позе, педует женщину. Это «научная» книга, она трактует вопросы техники брака, или техники любви, или еще что-либо в этом роде. Характерно, что в этой серии мы увидели тоненькую книжку, которая озаглавлена: «Аннели Карешной» Лью Толстого в переводе на американца, приобщенного к прелестям «жизненного стандарта»...

Молодые и средних лет американцы, юности и девушки, приобретают эти книжки, так как всем ходом американской коммерческой культуры они отдают предпочтение от настоящих книг, издаваемых маленьким тиражом и стоящих дорого, привыкают к этим непристойным брошюрам, откуда и черпают «полезные» сведения для американского образа жизни.

Для тех же маленьких американцев, которые еще не научились читать, в магазинах продаются игрушки. Одна из них особенно привлекала наше внимание: полноте стальные наручники «малышкового» размера с прикрепленной к ним этикеткой. На этикетке изображен мальчик, одетый в форму гитлеровского молодчика. В одной руке он держит пистолет, в другой — эти самые наручники. Над рисунком пояснительная надпись: дети, играйте по американскому образцу!

Так при знакомстве с Нью-Йорком открывается сущность американского «жизненного стандарта».

Бруклин и Бронкс, две другие части Нью-Йорка, совсем не похожи на Манхеттен. Там живут менее обеспеченные и совсем не обеспеченные американцы, там же

подходят негритяские и китайские кварталы. Здесь парят грязь и шизета. Огромная масса людей топчется на улицах, и эти люди никуда не выхаживают из своего уродливого города, так как выхаживать им некуда. Они помышляют совсем об ином: им просто нечего есть. Знают ли об этом представители правящей Америки? Конечно, знают, — но не в их интересах обсуждать такие вопросы на страницах печати, вскрывать их в произведениях искусства.

Если раньше американский кинематограф из 600 фильмов, выпускаемых Голливудом, два-три посвящал социальным проблемам, — то нынче такие картины более уже не выпускаются.

Выступавший на конгрессе американский спенарист Джон Говард Лоусон в честной и очень горячей речи с цифрами в руках констатировал полный распад американского киноискусства.

Обстановку, в которой приходится работать сейчас прогрессивным американцам, характеризует эпизод с привезенными нами картинками «Молодая гвардия» и «Академик Иван Павлов». Мы хотели показать их делегатам конгресса. Нам никто не сказал прямо о том, что это невозможно. Все любезно улыбались и запутанно объясняли многочисленные причины, по которым именно сегодня картины не могут быть показаны. В результате картины так и пролежали на тамошнее до момента нашего отъезда.

Мы знаем, что в Америке немало людей, ведущих борьбу за подлинное процветание своего народа. Мы видели их, пожимали им руки, мы слышали их гневные слова. Мы и сейчас прятываем им руку через океан, желаем успеха в нашем общем деле, в деле борьбы за мировое содружество народов, за процветание всего трудового человечества.